

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

А. Б. Лаховскій.

СОДЕРЖАНИЕ.

Любовь	Н. Гумилевъ.
Однажды ночью	Ю. Слезкинъ.
Въ штыки	А. Тиняковъ.
Простая исторія	А. Дехтеревъ.
Шпіонъ	Т. Ефимова.
Дѣдушка и внучекъ	И. Гуревичъ.
Кусь-Кусь	Пер. Либерсонъ.
Парижскія миниатюры	* * *

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

№ 8.

Январь.

1915 г.

Рис. художн. К. В. Дылышко.

Курль.

ЛЮБОВЬ.

1.

Она не однажды всплывала
Въ грязи городского канала,
Гдѣ свѣтятъ, длинны и тонки,
Фонарные огоньки.

Ее видали и въ рошѣ,
Висящей на ивѣ тощей,
На ивѣ, еще Дездемоной
Оплаканной и прощенной.

Въ какомъ-нибудь старомъ домѣ,
На липкой красной соломѣ
Ее находили люди
Съ насковозь прострѣленной грудью.

Но отъ этихъ ли превращеній,
Изъ-за рукъ, на которыхъ кровь,
(Бѣдной жизни бѣдныхъ смущеній)
Мы разлюбимъ ее, Любовь?

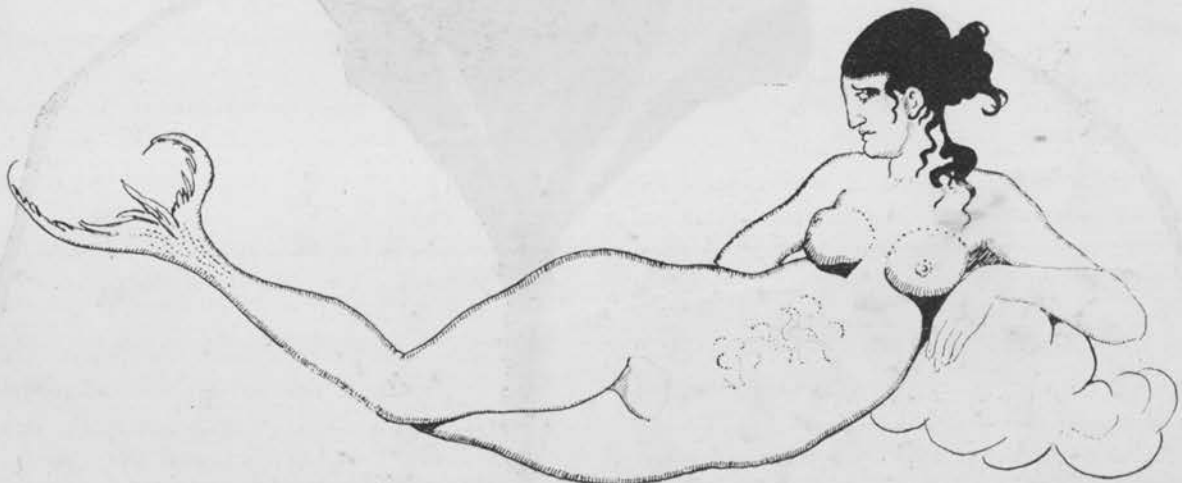
2.

Я помню, я помню, носились тучи
По небу желтому, какъ новая мѣдь
И ты мнѣ сказала: «да, было бы лучше,
Было бы лучше мнѣ умереть».

— «Неправда», сказалъ я, «и этотъ вѣтеръ,
И все, что было, разбѣется сномъ,
Помолимся Богу, чтобъ прожить этотъ
вечеръ,
А завтра на утро мы все поймемъ».

И ты повторяла: «Боже, Боже!..»
Шептала: «скорѣ... одна лишь ночь...»
И вдругъ задохнулась: «нѣтъ, Онъ не можетъ,
Нѣтъ, Онъ не можетъ уже помочь!»

Н. Гумилевъ.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ.

Она шла по Невскому торопливымъ шагомъ чело-
вѣка, который спѣшить домой, который опоздалъ
и озабоченъ этимъ. Кромѣ того, моросилъ дождь, и
она боялась промочить ноги, обутия въ изящные
лакированные ботинки. Какъ на зло, въ этотъ глу-
хой ночной часъ не было видно по близости ни
одного извозчика. Она высоко подобрала юбку и вся
съежилась подъ пронизывающей осенней сыростью.
Собственно только забота о страусовомъ перѣ на
шляпкѣ и ботинкахъ смущала ее всегда безразличное
настроение.

Она возвращалась съ одного вечера, который
устраиваетъ иногда молодежь въ обществѣ хорошенъ-
кихъ женщинъ не совѣмъ свѣтскихъ, чтобы быть
очень строгими, и не совѣмъ профессионалокъ, чтобы
быть пошлыми.

Студенты въ изящныхъ смокингхъ и строгихъ
проборахъ съ заученнымъ дэидизмомъ въ манерахъ—
сынки состоятельныхъ родителей, два-три присяж-
ныхъ повѣренныхъ, художникъ-карикатуристъ или
писатель-сатирикъ изъ моднаго юмористическаго жур-
нала и ихъ любовницы, а, можетъ быть, только сим-
патіи—маленькія артистки изъ театра миниатюръ, дум-
скія барышни, сбѣжавшія на этотъ вечеръ отъ своихъ
старичковъ-патроновъ, консерваторки и просто бары-
шни, занимающіяся въ какихъ-то художественныхъ
ателье или только мечтающихъ о свободной жизни,
дѣвушки съ прошлымъ, которое несложно и вмѣстѣ
съ тѣмъ такъ подчасъ мучительно, дѣвушки съ иско-
верканными душами и съ подчеркнута веселыми ли-
цами...

Боже мой, какъ ей все это знакомо! Порой ей
казалось, что все это она—она, повторенная безчис-
ленное число разъ,—такъ хорошо она умѣла читать
въ ихъ душахъ. Но ей совѣмъ не было страшно за
себя или за нихъ, ее никогда не охватывало отчая-
ніе, и она любила этотъ городъ, по улицамъ котораго
столько разъ пробѣгала мелкими шагами то въ тщет-
ныхъ поискахъ работы, то въ нетерпѣливомъ ожи-
даніи близкаго свиданія съ однимъ изъ тѣхъ, кого
она думала, что любить, то просто такъ, когда она,
не зная, что дѣлать съ собою, подчасъ голодная, но
возбужденная жадными взглядами мужчинъ, смотрѣла
въ витрины магазиновъ. Даже теперь этотъ городъ,
скрытый туманомъ, мелкой сѣтью дождя и ночью не
раздражалъ ее своимъ холодомъ и отчужденностью.
Напротивъ, избавившись отъ назойливыхъ провожа-
тыхъ, она рада была, что очутилась здѣсь, на Нев-
скомъ, въ зыбкой дали котораго она знала, что ни-
когда не потеряется. Она чувствовала себя здѣсь
сама собою, болѣе того, она чувствовала себя здѣсь—у
себя, въ своей стихіи, она часто даже посмѣивалась,
вспоминая Невскій, какъ сообщника, какъ брата. Развѣ
онъ не заставляетъ забывать все, что пережила, раство-
ряя въ чужой толпѣ, которая тѣмъ и хороша, что

она чужая, что она равнодушна, что она ничего не
знаетъ и не хочетъ знать. Ее принимаютъ такую,
какая она сейчасъ, какой она хочетъ себя предста-
вить, ей улыбаются новыя лица, которыя не сумѣютъ
ее ни въ чемъ упрекнуть.

Она мелко перебирала ногами, все дальше уходя
въ зыбку даль пустыннаго проспекта.

Нѣсколько разъ ее окликали запоздавшіе прохо-
жіе, пьяницы, не успѣвшіе найти себѣ женщину на
ночь, жаждущіе любви, все равно чьей. Она прохо-
дила мимо нихъ увѣреннымъ шагомъ, привыкшая къ
этой грубой откровенности, давно переставшая него-
довать.

Боже мой, въ концѣ концовъ все это тотъ же
самецъ, котораго она такъ хорошо успѣла узнать.

Наконецъ, ей преградили дорогу.

Это были три нахала, очень добродушные съ виду,
но и очень настойчивые. Они не даромъ не спали
всю ночь, всю эту дрянную ночь, и ужъ во всякомъ
случаѣ не отступятъ ее отъ себя, потому что она
же должна понять...

Но она не понимала и упрямо шла впередъ, не
подымая головы, не замедляя шага, а они пятились
передъ нею, всѣ трое держась за руки.

Они то пѣли, какую-то пѣсню, словъ которой не
знали, то дѣлали ей комплименты тяжеловѣсные и
затертые, какъ дворницкая овчина, то выходили изъ
себя и старались убѣдить ее въ чемъ-то.

Она все шла.

Тогда одинъ изъ нихъ, оставивъ товарищей, подо-
шелъ къ ней сбоку и, стараясь итти въ ногу съ ней,
взялъ ее за локоть.

— Сударыня,—проговорилъ онъ, очевидно съ тру-
домъ управляя своимъ срывающимся голосомъ:—я
люблю васъ...

Она вздрогнула.

Что-то изъ самой глубины ея души вызвало ка-
кое-то смутное безпокойство, похожее на тоску, почти
физическое страданіе. Она не знала, что это; во вся-
комъ случаѣ, это не могло быть вызвано его сло-
вами, словами пьянаго челоуѣка, сказанными въ явно
дурашливомъ тонѣ.

Она подняла лицо и взглянула на своего спут-
ника.

Лицо, какихъ много, лицо челоуѣка въ партику-
лярномъ платьѣ.

Но она смотрѣла на него все пристальнѣе.

Онъ безмысленно улыбался ей, тиская съ тупымъ
упорствомъ ея локоть.

Все это было не то, не то... Что-то неизмѣнно
ускользало отъ нея, тянуло къ себѣ, но не давалось...
Его глаза... Ахъ, трудно было разобрать, ихъ почти
не было видно въ окружавшей мути, но въ нихъ,
въ нихъ было это что-то...

И вдругъ она воскликнула, какъ пораженная, испуганная, почти не владея собой!

— Боря!..

Онъ тряхнулъ головой очень довольный, что угадали его имя, и смѣясь отвѣтилъ:

— Ну, да, меня зовутъ Борей!.. Кто сказалъ тебѣ это однако?

Тогда увлеченная волной непонятнаго, почти лихорадочнаго оживленія, стискивая зубы, которая начинали стучать, раздавленная тяжестью воспоминаній и сладкой тоской, никогда не испытываемой ею раньше, она потянула его за собою, почти бѣгомъ пробѣжала по скользкому тротуару до перваго извозчика и только успѣла крикнуть озадаченному спутнику:

— Скорѣе, скорѣе...

Онъ, посмѣиваясь, влѣзъ за нею въ пролетку, все болѣе довольный этимъ приключеніемъ, забывъ совсѣмъ о своихъ недоумѣвающихъ товарищахъ, оставшихся на тротуарѣ.

Утомленный бѣготней и укачиваемый тряской, онъ постепенно замолкъ, ослѣлъ и задремалъ съ блаженной улыбкой,—онъ дремалъ всю дорогу, а она сидѣла рядомъ съ нимъ,—собранный комокъ нервовъ—и смотрѣла на него; съ жадностью вглядывалась въ него, все болѣе узнавая въ немъ того, кто былъ у нея первымъ...

Студентъ съ ласковыми близорукими глазами и подѣтски припухлыми губами. Почти жалость охватила ее, когда она увидала передъ собою нѣжный юношескій овалъ его щеки и эти небольшие выщипанные волосы, обрамляющіе его лобъ.

Передъ ней былъ онъ, ея Боря. Передъ ней былъ ея первый прошедшій сквозь долгіе годы разлуки и ставшій человекомъ въ партикулярномъ платьѣ, бѣдущимъ съ нею, въ полной увѣренности, что ѣдетъ къ одной изъ многихъ.

Она забыла о томъ, что пережила сама, для нея это были всегда пустыки, ненужная забава жизни, она вся ушла въ него, въ свою первую любовь.

Она ясно со всѣми подробностями переживала прошлое. Она не могла бы сказать, вернулась ли къ ней ея любовь—вѣдь она сама ушла отъ нея, но она всегда жила въ ней, эта любовь, эта первая осуществленная страсть. Она забыла о ней до этой минуты; вѣдь, не забыла, а похорошила ее, и вотъ она опять передъ нею, но не воскресшая, а всегда та-же единственная, хотя ихъ было много потомъ, и, можетъ быть, болѣе сладкихъ, болѣе жгучихъ. Но вотъ передъ другими она прошла бы мимо... а тутъ...

— Боря, Боря...

Она дала извозчику адресъ гостиницы. Она не повезетъ его къ себѣ. Нѣтъ.

Когда они остановились, она помогла ему сойти и поднялась съ нимъ по лѣстницѣ въ номеръ, поддерживая его. Онъ ей не былъ противенъ, она его не видѣла тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сейчасъ.

Въ номерѣ она быстро раздѣлась и легла подъ одеяло, вся сжавшись отъ охватившаго ее опять волненія, нервной дрожи.

Она напряженно слѣдила за всѣми его движеніями.

За его измѣнившейся вышностью, за грубостью пьянаго человека—осталось въ немъ много того, что бессознательно усваиваемъ мы себѣ, что становится второю нашей сущностью, что никогда не измѣняетъ намъ, какъ измѣняютъ наружность и разумъ. Это были тѣ безчисленныя мелочи, тѣ привычныя движенія рукъ, головы, всего тѣла, которыя остаются навсегда въ манерѣ одѣваться и раздѣваться, въ при-

вычкѣ складывать или бросать бѣлье, снимать первымъ сапогъ съ лѣвой или съ правой ноги, въ жестахъ потягиванія или закуриванія папирасы.

И все, все въ этомъ человекѣ говорило ей о Борѣ, о ея Борѣ, о многихъ дняхъ ихъ совмѣстной жизни, о цѣлой полосѣ ихъ родственности, когда кажется, что вотъ слились навсегда двѣ жизни.

Потомъ онъ легъ съ нею рядомъ и, согрѣтый ея тѣломъ, потянулся къ ней такъ же, какъ и прежде смѣшно и подѣтски вытянувъ впередъ губы, также охватывая ее горячими руками, какъ и прежде, но безъ былой любви, пусть—и не узнавая ее въ своемъ пьяномъ угарѣ, но съ тою же страстью, въ томъ же неодолимомъ желаніи.

У нея закружилась голова; пьянѣя и почти не понимая, для чего ей это нужно, она твердила ему на ухо:

— Вѣдь это я, вѣдь это твоя Нина...

И онъ повторялъ за нею между поцѣлуями:

— Нина...—какъ повторялъ бы всякое другое имя, но она вслушивалась въ звуки его голоса и вздрагивала отъ острой тоски и страсти.

Потомъ съ равнодушіемъ пресытившагося человека онъ отвернулся отъ нея и сейчасъ же заснулъ.

Онъ спалъ въ одной кровати съ нею, спокойно и не подозревающей ни о чемъ. Онъ спалъ.

Она облокотилась на локоть и такъ смотрѣла передъ собою, ни на минуту не смыкая глазъ. Также, какъ и въ первую ихъ ночь. Онъ тогда грозилъ, что застрѣлится, когда она отказывала ему, уже готовая отдаться, но боявшаяся этого. А потомъ, овладѣвъ ею,

оскорбивъ ее, смявъ,—онъ заснулъ также, какъ и теперь.

Когда разсвѣло, она могла различить его черты. Передъ ней покоилось на подушкѣ блѣдное лицо съ провалившимися глазами, съ морщинами въ углахъ болѣзненно сомкнутыхъ губъ. Щеки обросли бородой, и волосы, еще густые, уже не вились.

Отъ бессонной ли ночи, или отъ усталости послѣ пережитаго сна почувствовала вдругъ невѣроятную слабость, на глазахъ показались слезы—скупыя, неврастеническія слезы. Она быстро нагнулась надъ нимъ и поцѣловала въ лобъ.

Онъ дрогнулъ, пошевелилъ рукою, потомъ забормоталъ что-то безсвязное. Тогда она испугалась, смертельно испугалась, что онъ ее застанетъ такъ, склоненную надъ нимъ, и, безшумно отодвинувшись, легла навзничъ и приоткрыла глаза. Ей хотѣлось видѣть, что онъ будетъ дѣлать дальше, ее и пугала и вмѣстѣ съ тѣмъ манила мысль, что, можетъ быть, онъ ее узнаетъ. Она не представляла себѣ, что-бы могло случиться тогда, боялась думать объ этомъ, но волновалась все больше.

Нѣкоторое время онъ не двигался совѣмъ; казалось, что опять уснулъ надолго, но потомъ неожиданно вскрикнулъ и широко открылъ глаза.

Она видѣла, какъ глаза эти постепенно оживали, впитывая въ себя окружающую обстановку, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько движеній, уже болѣе сознательныхъ, и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на нее.

Она почувствовала, что блѣднѣетъ, что сердце

перестаетъ биться. Она плотнѣе закрыла глаза, повторяя про себя:

— Господи, Господи Боже мой...

Онъ смотрѣлъ на нее, не отрываясь,—секунду, минуту, часъ, а, можетъ быть, вѣчность. Она не помнила сколько. Ей казалось, что она падаетъ, но все-таки опять приоткрыла вѣки.

Да, да—онъ узналъ ее.

Его зрачки расширились, въ нихъ отразился испугъ, изумленіе. Онъ нагнулся надъ ней, потомъ быстро, быстро задвигалъ руками и, не сводя съ нея глазъ, сползъ съ кровати.

Все не отворачиваясь отъ нея, сдерживая дыханіе, точно боясь имъ разбудить ее, онъ наскоро одѣвался. Въ нервной поспѣшности, не попадая въ рукава рубахи, путаясь въ застежкахъ, онъ все дальше отходилъ отъ кровати и, наконецъ, когда былъ уже совѣмъ готовъ, воровато положилъ на столъ скомканную асигнацію и скользнулъ въ дверь.

Она хотѣла крикнуть, хотѣла позвать его, но ее все болѣе сковывалъ холодъ, она точно просыпалась отъ долгаго сна. Наконецъ, когда уже дверь осторожно притворилась за нимъ и по корридолу раздались его одинокіе въ раннемъ утрѣ поспѣшные шаги, она нашла въ себѣ только силы приподняться и, сѣвъ на кровати среди смятаго бѣлья, тихо, почти безучастно произнести:

— Ушелъ... ушелъ...

Ея глаза бродили по стѣнамъ номера и уже ничего не видѣли изъ прошлаго. *Юрій Слезкинъ.*

«Черезъ Карпаты».

П. Жиличъ.

ВЪ ШТЫКИ!

Разсказъ солдата.

Долго мы играли въ прятки,
Долго мы теряли цѣль,
Лишь порой австрійцамъ въ пятки
Посылая шрапнель.

Силы много въ пулеметѣ,
Но далеко до руки!
Наконецъ то, нашей ротѣ
Довелось идти въ штыки.

Грозно грянули раскаты
Святорусскаго «ура!»
Дружно ринулись солдаты,
И затѣялась игра.

Мы въ атакѣ лихи, крѣпки,
Намъ дороги нѣтъ назадъ—
И посыпалися кепки
Съ австрійковъ, точно градъ.

Я очнулся на постели
Съ забинтованной рукой,
Но на будущей недѣлѣ—
Слава Богу!— снова въ строй!

Александръ Тиняковъ.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ.

Я разскажу вамъ простую исторію...

I.

Наташа и Сережа ложились уже спать, когда въ дѣтскую вошла Лидія Михайловна и присѣла въ няинино кресло, стоящее у постельки давно уже спящаго пятилѣтняго Коли.

Сережѣ было десять лѣтъ, а Наташѣ двѣнадцать, но они уже считали себя взрослыми и, по отношенію къ Колѣ, принимали всегда покровительственный тонъ.

Лидія Михайловна очень любила этотъ часъ— между девятью и десятью, когда во всемъ домѣ затихала жизнь, и она могла, утомленная заботами о дѣтяхъ, уйти въ себя, отдохнуть передъ раннимъ сномъ...

Мужъ ея, Василій Николаевичъ Ладыженскій, былъ въ чинѣ полковника, командовалъ N-скимъ пѣхотнымъ полкомъ и теперь находился въ дѣйствующей арміи. Поэтому въ средствахъ она не нуждалась и всегда могла бы нанять бонну, но она слишкомъ любила своихъ дѣтей, чтобы поручить ихъ постороннему лицу.

Она сама заботилась о нихъ, входила во всѣ мелочи ихъ повседневной жизни и къ вечеру обычно такъ утомлялась, что часовъ въ десять сама шла спать, чтобы въ семь часовъ утра уже быть на ногахъ—къ уходу Наташи и Сережи въ гимназію.

Лишь только Лидія Михайловна вошла въ комнату и сѣла въ кресло, тотчасъ же къ ней подошли дѣвочка и мальчикъ и усѣлись у ея ногъ, на низкихъ табуреточкахъ, съ которыми они играли еще въ раннемъ дѣтствѣ.

— Ну что, дѣти, все улеглось въ памяти изъ заданнаго?—были ея первыя слова... Ничего не забыли изъ пройденнаго со мною сегодня?..

— Нѣтъ, ничего не забыли,—отвѣтила Наташа за себя и за брата и, ближе прижимаясь къ Лидіи Михайловнѣ, спросила:

— Мамочка, ну а когда же папа къ намъ вернется? Ты говорила все, что къ Рождеству онъ пріѣдетъ веселый и здоровый, съ георгиевскимъ крестомъ или золотымъ оружіемъ... А вотъ уже оно, Рождество, а его нѣтъ... Прошелъ и Новый Годъ. Его не пустятъ въ отпускъ?..

— Нѣтъ, Ната,—задумчиво произнесъ Сережа...

— Да, дѣти, не могъ онъ быть съ нами на праздникахъ... Онъ тамъ нуженъ, защищая нашу родину отъ враговъ... Онъ пріѣдетъ потомъ, къ веснѣ, къ Пасхѣ...

— Мамочка, ну зачѣмъ эта война?.. Такъ страшно убивать людей...

— Ну, а какъ вдругъ папу взаправду убьютъ?.. Я боюсь этихъ выстрѣловъ...

Глаза у Сережи грустные помимо его маленькой воли, а слова кажутся глубокими, ищущими во тьмѣ, несмотря на свою блѣдную оболочку.

— Мамочка, я и сегодня увижу папу во снѣ?..—спрашиваетъ Наташа, чуть-чуть сдвигая свои собольи брови, которыя такъ нравились Василию Николаевичу, ея отцу, и которыя онъ называлъ «звѣрьками»...

— Если помолишься усердно Богу о его здоровья, тогда, можетъ-быть, и увидишь его...

Говорить, а сама далеко отъ дѣтей блуждающимъ взоромъ мечется по какимъ-то полямъ, занесеннымъ снѣгомъ, до которыхъ ей еще полгода тому назадъ не было никакого дѣла.

— Мамочка—тормошитъ ее Сережа,—да ну же, отчего ты ничего не слушаешь, не хочешь говорить съ нами... Какъ страшно читать въ пѣснѣ:

«Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою»...

— За что его закололи и какъ?.. Это горцы, да?..

— Ты снова все путаешь, Сережа. Вѣдь тутъ говорится о томъ, что отецъ-воинъ, искушенный въ бояхъ, ничего не боится... Гдѣ же тутъ заколонъ?..

— Однако, дѣти, пора и спать... Молитесь-ка, да и въ постель...

— Ахъ, еще, мамочка—не унимается Наташа,—вотъ... мнѣ весь день сегодня казалось, будто папа о насъ думаетъ... Какъ бы ему хотѣлось насъ видѣть!..

— Что же, онъ каждый день о насъ думаетъ... Не забывайте и вы его, храни Богъ!.. Помните, онъ защищаетъ землю, на которой вамъ придется прожить всю жизнь... Ну, а теперь маршъ по постелямъ!.. Я устала, хочу итти отдохнуть...

— Иди, мамочка!.. Мы будемъ сразу спать...

— Мамочка, иди отдыхать!..

II.

Тихо возносится искренняя, глубокая молитва къ престолу Всевышняго.

И молится Наташа:

Боженъка!.. Спаси папочку любимаго, защити его подъ покровомъ Твоей милости!.. Пречистая Богородица, не дай умереть папочкѣ... Я каждый день, вотъ видишь, молюсь Тебѣ... И всѣхъ нашихъ солдатиковъ защити, и всѣхъ людей помилуй... Аминь!

И молится Сережа:

Помилуй насъ, Боже!.. Чтобы прусаки, австрійцы, венгры и турки не побѣдили насъ... Чтобы папочка былъ здоровъ, и сталъ героемъ, и получилъ георгиевскій крестъ... И чтобы мама не плакала... И чтобы сестра Ната не плакала... И чтобы я получилъ австрій-

ское ружье... То-то Аксеновъ бы завидовалъ!.. Господи, помилуй!.. Аминь.

Ярко мерцаетъ розовымъ свѣтомъ лампадка у образа... Тишина...

III.

Послѣдній подѣлуй—и Лидія Михайловна уходитъ къ себѣ въ спальню. Опускается на постель и замираетъ въ позѣ такого утомленія, такой скорби, которая граничить почти съ апатіей...

Наивная дѣтская вѣра... Да, только она разбиваетъ какое-то смутное предчувствіе, которое нарушаетъ равновѣсіе заботливаго дня... Когда-то она только смѣялась надъ предчувствіями, являющимися подчасъ къ ея экспансивнымъ подругамъ по институту, но теперь... и смѣшно, и жутко, но жутко болѣе, чѣмъ смѣшно...

Рис. А. Е. Архипова.

Какъ странно. Вотъ ужъ тринадцать лѣтъ она замужемъ, тринадцать лѣтъ они жили тою любовью, которая предупреждаетъ малѣйшее желаніе и угадываетъ потаеннѣйшую мысль... И его взяли у нея... Онъ ушелъ, сильный и бодрый, и только разъ, когда сѣлся уже въ поѣздъ, говоря о какомъ-то пустякѣ... поблѣднѣлъ... какъ-то неловко загнулся... Такъ и не кончилъ начатой фразы... Въ это время она поймала его быстрый нервный взоръ на дѣтяхъ.

И уѣхалъ... Уѣхалъ пять мѣсяцевъ тому назадъ, изрѣдка говоря о себѣ письмами... Участвовалъ въ непрерывныхъ бояхъ на австрійскомъ фронтѣ, и всѣ они кончались для него благополучно, не вызывая въ ней ни особаго волненія, ни боязни... Казалось—всѣ могутъ погибнуть, только не онъ...

Онъ былъ слишкомъ здоровъ и жизнерадостенъ, чтобы такъ, вдругъ, сразу умереть... Этого ей не представлялось...

А вот съ утра сегодня началось какое-то странное состояние... Укладывая дѣтямъ въ сумки завтракъ, она вдругъ почувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что она занята здѣсь мелочью, въ то время, когда гдѣ-то тамъ, подъ Карпатами, совершается что-то роковое, непоправимое... Она оправилась, однако, съ волненіемъ, охватившимъ ее, и не показала дѣтямъ своего безпокойства... Такое состояние охватывало ее сегодня раза три, но она всякій разъ, громаднымъ усиленіемъ воли, подавляла въ себѣ волненіе и сейчасъ, только сейчасъ, уйдя ото всѣхъ заботъ утомительнаго дня, поняла, что это съ нимъ, Васей, что-то неладно...

— Это онъ подаетъ о себѣ вѣсть,—прошептала она поблѣвшими губами... Она не плакала, нѣтъ... Она и не молилась... Просто опустила на колѣни и крѣпко—крѣпко прижала правую щеку къ холодной подушкѣ... Такъ и замерла, всѣмъ существомъ своимъ, уйдя въ поиски сибѣжнаго горнаго кряжа, узкихъ сибѣжныхъ долинъ...

И она увидѣла его, но увидѣла такимъ же веселымъ и бодрымъ, какимъ онъ уѣхалъ въ одинъ изъ солнечныхъ сентябрьскихъ дней... Увидѣла его въ окопѣ, сидящаго за книгой Золя, столь любимого имъ, нѣсколько томиковъ котораго онъ взялъ съ собой въ походъ. Онъ читалъ и улыбался, и не могъ оторваться отъ интересной книги...

Лидія Михайловна забылась, успокоенная видѣніемъ, блаженно улыбаясь и отдыхая всѣмъ существомъ отъ охватившей ее тревоги...

IV.

Но на самомъ дѣлѣ не все было благополучно въ томъ окопѣ, который пригрѣзился Лидіи Михайловнѣ...

Послѣ серьезной контръ-атаки, нанесенной австрійцамъ нашими двумя пѣхотными полками, у первыхъ оказался громадный изъятъ, но и мы не досчитались живыми пятерыхъ офицеровъ и около ста нижнихъ чиновъ... Кромѣ того, былъ тяжело раненъ командиръ N-скаго полка, полковникъ Ладыженскій, который и лежалъ теперь въ своемъ подземномъ жилищѣ, ожидая врача... Раненъ онъ былъ еще утромъ въ животъ, и только часа два—три былъ безъ сознанія, пока не внесли его въ окопъ. Все остальное время онъ былъ въ полной памяти, и только подчасъ сильная боль въ животѣ чуть-чуть затемняла мысль и играла передъ глазами оранжевыми и карминовыми пятнами.

Онъ былъ раненъ въ животъ пулей, которая, прободавъ внутренности, зашла въ позвоночникъ.

Впервые онъ перенесся мыслью домой къ себѣ, часовъ въ восемь утра, когда обостренное сознаніе напомнило ему о времени ухода его дѣтей въ гимназію...

Будучи дома, онъ самъ любилъ ихъ провожать въ этотъ утренній часъ, пить вмѣстѣ чай, спрашивать о порядкѣ дня...

И онъ перенесся домой такимъ усиленіемъ воли, что тотчасъ-же увидѣлъ передъ собою мягкую улыбку жены, разливающей чай, и услышалъ обычную наивно—прекрасную болтовню дѣтей... Увидѣлъ русую головку Наташи и ея чуть косые глаза съ большими бровями—звѣрьками. Увидѣлъ бѣлые кружевные рукавички на ея тонкихъ, точно выточенныхъ изъ желтоватаго дуба, рукахъ... Увидѣлъ улыбку ея, за которую такъ безумно любилъ ее... Въ ея улыбкѣ была такая плѣнительная нѣжность, которая свойственна только дѣтямъ отъ нравственно чистыхъ, безупречныхъ родителей... Увидѣлъ ея глаза, большіе и грустные, всегда о чемъ-то тоскующіе, не дѣтскіе... Эти глаза даже тревожили его одно время, и онъ не разъ обращался въ недоумѣніи къ врачамъ—не больна-

ли Наташа какимъ-нибудь внутреннимъ недугомъ... Но она была здорова, не смотря на всю ненормальность ея слишкомъ взрослыхъ, усталыхъ глазъ...

Увидѣлъ Василій Николаевичъ и Сережу, тонкаго, стройнаго мальчика, съ неменѣе одухотвореннымъ взоромъ, чѣмъ у Наташи, но съ умнымъ, острымъ блескомъ яркихъ бѣлковыхъ, говорящимъ о бодрости растущей въ немъ души...

Только маленькаго сына Колю не видѣлъ онъ, потому что тотъ всегда спалъ въ этотъ утренній часъ...

Дѣти поднялись изъ-за стола, пора была идти въ классъ... И когда онъ крестилъ ихъ, а они въ свою очередь крестили его—этотъ обычай дѣти переняли у Лидіи Михайловны, воспитанной въ семьѣ ея дяди, профессора духовной академіи, человека весьма религіознаго,—а потомъ цѣловали его, онъ съ какой-то особой нѣжностью отдавалъ имъ свой поцѣлуй, а у Наташи поцѣловалъ и обѣ руки ея, такъ остро пахнувшія земляничнымъ мыломъ, одеколономъ и нѣжнымъ дѣтствомъ. Последнее, впрочемъ, онъ позволялъ себѣ только въ минуты, когда чувствовалъ себя въ чемъ-нибудь виновнымъ передъ дѣтьми, въ невниманіи къ нимъ или въ мгновенной разсѣянности...

Съ сыномъ онъ былъ нѣсколько холодиѣе, потому что считалъ себя не въ правѣ слишкомъ баловать мальчугана.

Проводилъ мысленно дѣтей и чуть-чуть забылся въ истомѣ боли, звенящей въ ушахъ надобдливими шмелями, а когда снова очнулся—мысли о дѣтяхъ уже не было, думалось, да и то какъ-то неясно, расплывчато, о своемъ ближайшемъ будущемъ, о замѣстителѣ его по полку, о лазаретѣ...

Къ вечеру онъ почувствовалъ нарастающую боль и какую-то каменную тяжесть въ груди... Къ нему заходили сослуживцы, о чемъ-то говорили, но ему и лица ихъ, и голоса казались безразличными масками изъ нереальнаго міра...

Часовъ въ одиннадцать—двѣнадцать ночи онъ очнулся отъ полубытья, почувствовалъ неожиданное облегченіе... Боль утихла, а отъ изнеможденнаго тѣла отпала какая-то мокрая, горячая пелена и стало сразу радостно, легко и прохладно... Взглянулъ въ сторону и удивился.. Черезъ растворенное окно на него глядѣли солнце и зелень расцвѣтшей черемухи... Ароматъ ея кружилъ голову, а вокругъ постели неумимо кружили огромные шмели, то направляясь къ цвѣтамъ, то снова возвращаясь къ нему...

За окномъ онъ слышалъ дѣтскіе голоса... Тамъ, въ саду, бѣгали Наташа, Сережа и Коля, но онъ не могъ подняться, чтобы увидѣть ихъ... Онъ попробовалъ позвать ихъ, но голосъ не слушался...

Изъ глазъ его полились слезы, и тутъ же увидѣлъ онъ сквозь алмазную пелену склонившуюся Наташину головку и смѣшной приборъ Сережинъ... Колю и тутъ онъ не видѣлъ.

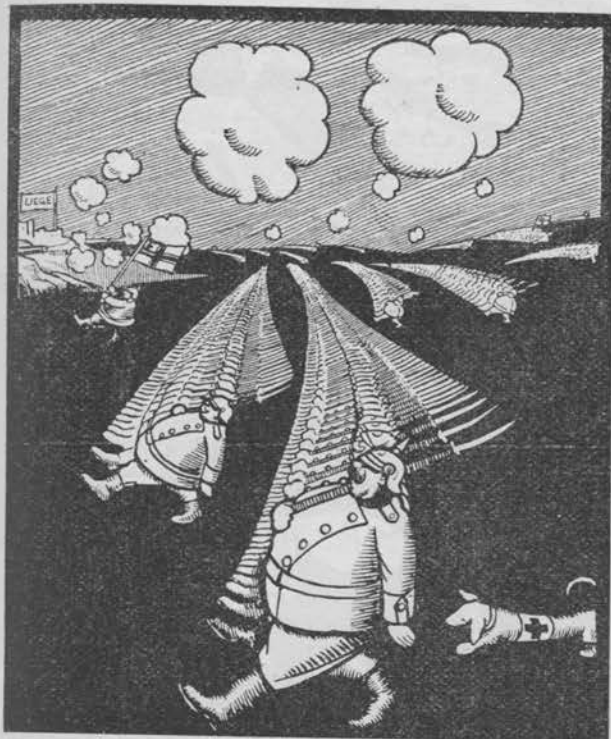
Наташа что-то говорила ему и, смѣясь, показывала глазами куда-то въ сторону... Онъ только улыбался, ничего не говоря...

И все расплылось... Только въ углу какъ-то странно билась о землю темная женщина, лица которой не было видно...

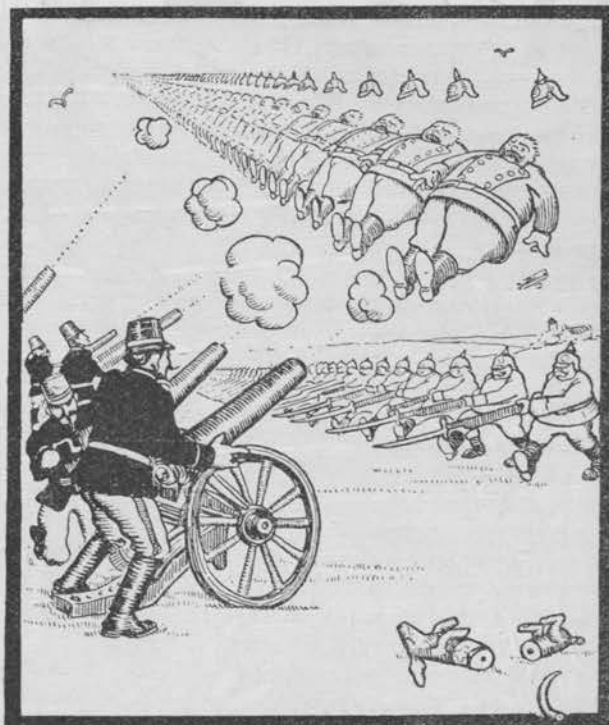
— Лидя,—простоналъ онъ чуть слышно... И замеръ въ тоскѣ!! Мимо него снова зажужжали шмели, но тотчасъ же они превратились въ пули, а бѣлая черемуха въ хлопья снѣга... Одна изъ пуль обожгла его и сбросила въ темную пропасть небытія. Сознаніе погасло...

ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВЪ ГЕРМАНЦЕВЪ

Десять миллионѣвъ германцевъ
Шли въ порядкѣ боевомъ.
Прошли Бельгію насквозь,
И ихъ осталось девять.

Девять миллионѣвъ германцевъ
По велѣнію судьбы
Зарядили собою пушки (французскія).
И ихъ осталось восемь.

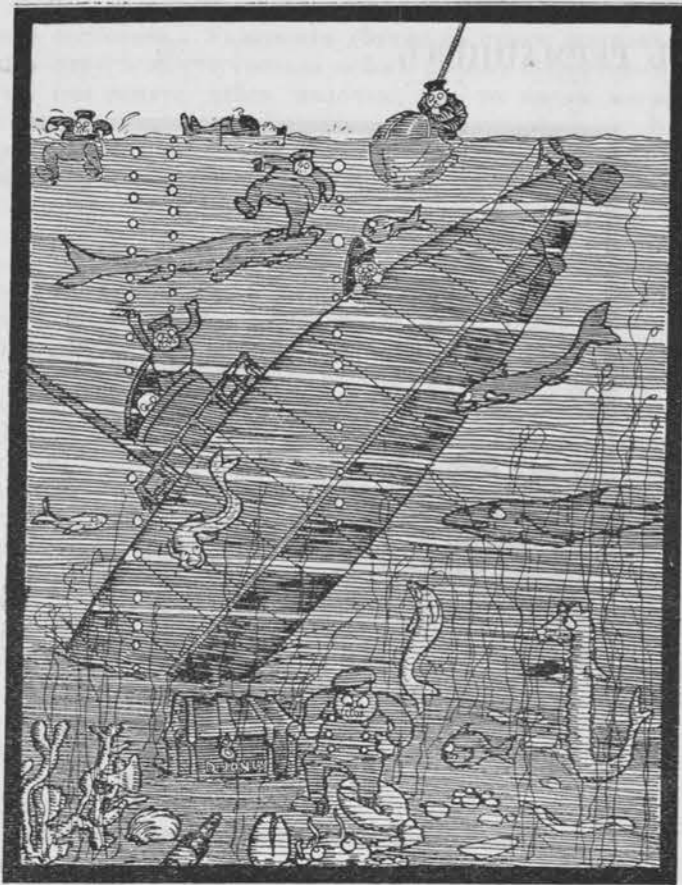

Восемь миллионѣвъ германцевъ
Смѣло ринулись впередъ.
Перейти рѣшили Вислу,
И ихъ осталось только семь.

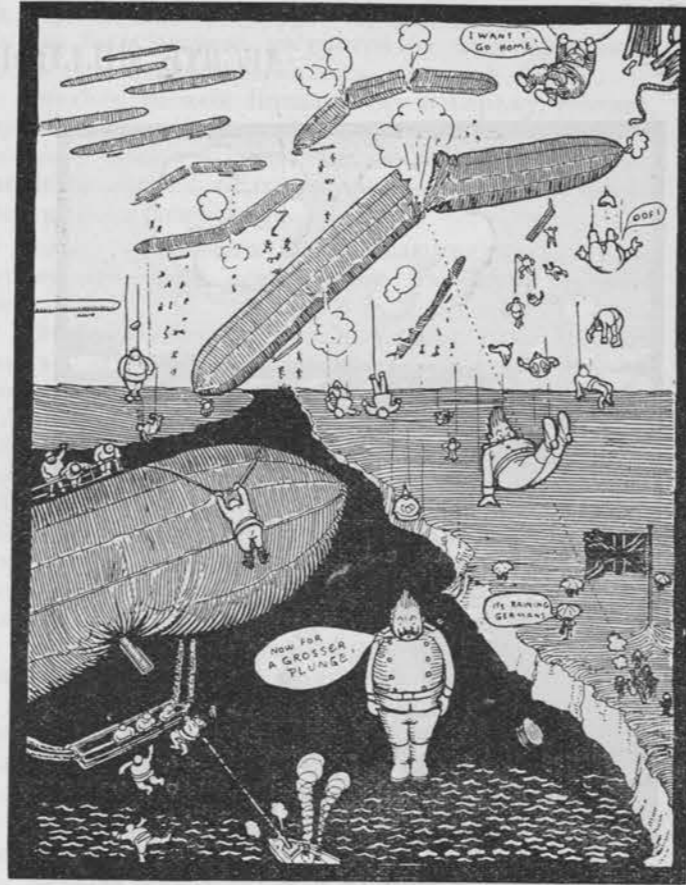

Семь миллионѣвъ германцевъ
Занялись передвиженіемъ (стратегическимъ).
Не замѣтили англичанъ.
И ихъ осталось ровно шесть.

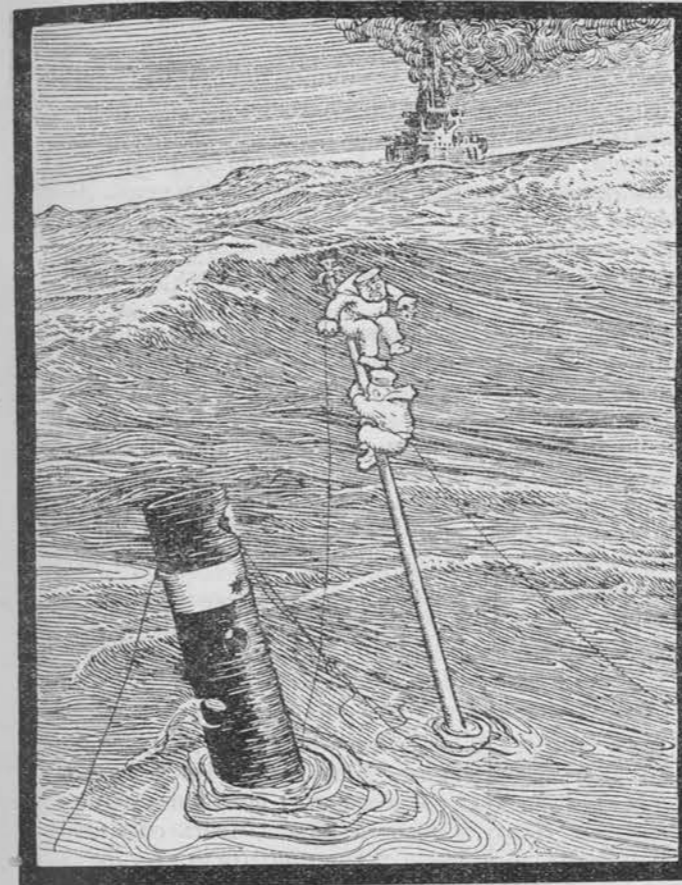

Шесть миллионов германцев
Решили удивить мир.
И чем? Подводными лодками
И их осталось только пять.

Пять миллионов германцев
Съели на цепелины.
Полетели на Англию.
И их осталось четыре.

Четыре миллиона германцев
Поплыли по морям.
Встретили союзный флот.
И их осталось три.

Три миллиона германцев
Не знали что начать.
Решили пойти к союзникам.
И их осталось два.

Два миллиона германцев
Решили вдруг бжать.
Но мбшали тяжелые желвзные кресты.
И остался лишь одинъ.

Одинъ миллионъ германцевъ
Решилъ, что побда за нимъ.
Стали награждать сами себя
И... никого не осталось.

Остался одинъ германецъ безъ войска.
Какъ видно, онъ не унываетъ.
Но пришлось замбнить свинцедь
На оловянные игрушки.

V.

Долго ли находилась въ забытїи Лидїя Михайловна, трудно сказать... По крайней мѣрѣ, она потомъ не могла опредѣлить времени. Очнулась она, потому что ясно услышала его голосъ, и этотъ голосъ звалъ дѣтей... И былъ онъ такой тихій, придушенный, а между тѣмъ слышался онъ какъ бы изъ дѣтской... Но она не могла поднять голову—холодный ужасъ и какал-то иная воля приковали ее къ мѣсту... Затѣмъ она услышала уже ближе свое имя и въ то же время почувствовала, какъ сердца ея остро коснулась невыносимая боль... Она вскрикнула и распростерлась на полу, потерявъ сознание. Въбжавшая няня застала ее у постели неподвижной.

Только на слѣдующій день къ вечеру она пришла въ себя, окруженная заботами прїѣхавшаго брата, няни и домашняго врача.

Оба эти дни дѣти не ходили въ гимназію. Вечеромъ второго дня ихъ пустили къ больной, да и то ненадолго...

И первые слова Наташины были:

Мамочка, я слышала сквозь сонъ, въ прошлую ночь, какъ пана звалъ меня... Такъ тихо-тихо...

Хотѣла порадовать ее...

Сереза тоже чувствовалъ, будто пана звалъ его, но не зналъ, было-ли это на самомъ дѣлѣ или казалось подъ впечатлѣніемъ Наташинаго разказа...

А на утро пришла телеграмма изъ дѣйствующей арміи отъ знакомаго врача, гласящая, что Василій Николаевичъ палъ славной смертью героя, выполняя свой священный долгъ передъ родиной...

Долго не показывали Лидїи Михайловнѣ телеграмму, но, когда списки убитыхъ и раненыхъ появились въ газетахъ, необходимо было сообщить... Къ великому удивленію всѣхъ, Лидїя Михайловна приняла извѣстіе о смерти мужа спокойно, съ подобающимъ ея религіозности смиреніемъ и тутъ же рѣшила посвятить всю жизнь, до послѣдняго вздоха, своимъ дѣтямъ, которыхъ онъ такъ безумно любилъ...

И никто не предполагалъ, что она знала о его смерти задолго до телеграммы, еще въ ту памятную, кошмарную ночь, когда она услышала его зовъ...

Наташа долго оставалась неутѣшной. Сереза только первое время казался огорченнымъ... Маленькій Коля и вовсе ничего не понималъ.

* * *

Этимъ и закончилась простая исторія, до ужаса обычная въ наше знаменательное время. Говорятъ, будто можно насчитать ихъ болѣе милліона... Только съ различными вариациями... Впрочемъ, мало-ли о чемъ говорить!..

А. Дехтеревъ.

ШПІОНЪ.

1.

Это случилось осенью нынѣшняго года, на берегу Чернаго моря, въ маленькомъ дачномъ мѣстечкѣ недалеко отъ Батума.

Дачники, жившіе здѣсь лѣтомъ, поразѣхались, и остались лишь немногія семьи дачевладельцевъ. Задерживалъ ихъ ремонтъ или осеннія посадки. Семьи эти, близко знакомыя между собой, часто собирались другъ у друга, чтобы за чашкой чая и легкимъ ужиномъ коротать вечера.

Часы проходили незамѣтно. Всѣхъ такъ волновали текущія событія, что разговоръ велся главнымъ образомъ о войнѣ. Каждому хотѣлось высказать свое мнѣніе, и въ безконечныхъ разговорахъ пролетало время.

Говорили о возможности войны съ Турціей, возмущались звѣрствами ивмцевъ, восхищались стоицизмомъ короля Альберта Бельгійскаго, говорили о радостномъ подъемѣ въ русскихъ войскахъ, словомъ—обо всемъ томъ, что волнуетъ и занимаетъ насъ съ Вами, любезный читатель.

Но все же—молодежь и генеръ не упускала случая повеселиться и пошалить послѣ самыхъ серьезныхъ «взрослыхъ» разговоровъ.

2.

Вадимъ Загѣвскій, студентъ, рѣшившій итти добровольцемъ—шелъ къ своимъ знакомымъ. Не безъ удовольствія думалъ онъ о томъ, что сейчасъ увидитъ хорошенькую Киру и будетъ разсказывать ей интересную новость. Батумскіе турки приходили къ своему консулу съ требованіемъ отправить ихъ на родину. Консулъ отказалъ. Тогда турки избили его и, такимъ образомъ, настояли на своемъ. Сегодня утромъ въ рейдѣ Батума стоялъ пароходъ, готовый отвезти всѣхъ правовѣрныхъ въ Турцію.

Не знаю, право,—что больше занимало мысли молодого человека—свиданіе съ Кирой или послѣдняя новость, но, не глядя по сторонамъ, онъ быстрыми шагами подвигался впередъ.

На крутомъ поворотѣ ему бросился въ глаза какой-то красный предметъ. Онъ поглядѣлъ внимательнѣе и увидѣлъ, что красное пятно—это феска, которую держалъ въ рукахъ молодой турокъ.

— Это ты, Османъ?—сказалъ Вадимъ удивленно.

— Я, баринъ,—отвѣтилъ тотъ, густо краснѣя и оборачиваясь.

— Что же ты не уѣхалъ?

Тотъ ничего не отвѣтилъ, а Вадимъ пошелъ дальше, невольно думая объ этой встрѣчѣ.

3.

Османъ, турокъ безъ опредѣленныхъ занятій, неріодически куда-то исчезалъ изъ Ц. Говорилъ онъ на нѣсколькихъ языкахъ и умѣлъ объясняться со всѣми, съ кѣмъ его сталкивала судьба.

На правой рукѣ его не хватало указательнаго пальца, и не было для Османа горшій обиды, если кто-нибудь спрашивалъ его объ этомъ.

Утромъ онъ отворачивался и дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь.

О времяпрепровожденіи Османа ходили темныя слухи: работалъ онъ рѣдко, а большую часть времени сидѣлъ въ кофейнѣ за игрой въ карты или кости.

Недѣлю тому назадъ Османъ приходилъ благодарить молодого барина за доставленную ему какъ-то выгодную работу и добавилъ:

— Ъду за границу. Въ Трансзундъ.

— Когда?

— Сегодня вечеромъ.

Вотъ почему такъ удивился Вадимъ, встрѣтивъ на дорогѣ смущеннаго турка.

4.

Въ прекрасномъ настроеніи и съ веселой улыбкой на губахъ, возвращался Вадимъ домой, перебирая въ памяти подробности сегодняшнего вечера.

Насвистывая пѣсню,—вынулъ часы. Срѣлки показывали два безъ четверти.

— О-го, какъ поздно. Раньше, чѣмъ черезъ полчаса, домой не попаду.

Ускоряя шаги, онъ вышелъ на аллею, которая вилась вдоль берега.

Надѣво—едва плескалось Черное море, спокойное и холодное даже на видъ. Бѣлый столбъ луннаго отраженія разбивался на пятна, и они, словно зайчики, бѣжали къ прибрежнымъ скаламъ. Одна изъ скалъ перерѣзывала дорогу, а у ея подножія видѣлся небольшой оврагъ, густо заросшій орѣшникомъ.

Вадимъ, сокращая дорогу, рѣшилъ идти по оврагу, несмотря на то, что это мѣсто пользовалось дурной славой: здѣсь часто прятались контрабандисты. Но Вадимъ, проводившій четвертое лѣто на дачѣ, успѣлъ хорошо ознакомиться со всѣми окрестностями, а въ оврагѣ зналъ каждую извилину. Однако, на всякій случай, онъ, нащупавъ въ карманѣ маленькій черный браунингъ и внимательно поглядѣвъ впередъ.

Вдругъ ему показалось, что надъ моремъ зажегся желтый лучъ. Это удивило и встревожило Вадима. Вматриваясь, онъ остановился. Лучъ уже совершенно ясно промелькнулъ еще разъ.

— Кто тамъ?—крикнулъ Вадимъ.

За изгибомъ скалы пошевелилась какая-то черная, согнутая фигура.

— Кто тамъ?

Фигура безшумно исчезла въ оврагѣ.

— Лучше бы сразу погнался,—подумалъ Вадимъ, вынимая револьверъ.

— Но кто это могъ быть—кто станетъ освѣщать море ночью? Что это, шутки... или?..

Онъ вздрогнулъ.

— Вѣдь среди здѣшнихъ жителей немало турокъ. Очень возможно, что это не шутка. Это—сигналъ!

Тогда Вадимъ рѣшилъ выслѣдить неизвестнаго. Съ этой цѣлью онъ взобрался на высокую бѣлую ограду ближайшей дачи. Огьскалъ скамейку и, спрыгнувъ на нее, сталъ, выставивъ голову надъ оградой.

Въ это время что-то зашуршало въ орѣшникѣ, и яркій желтый лучъ на мгновение ослѣпилъ его глаза. Вадимъ невольно зажмурился.

6.

Когда Вадимъ, оправившись, осмотрѣлся—никого возлѣ не было. Онъ спрыгнулъ съ ограды и поползъ по орѣшнику.

Было тихо. Лишь цикады легкимъ хрустомъ нарушали величавое молчаніе ночи. Вѣтви орѣшника стряхивали ночную росу на платье и пальцы Вадима. Но онъ подвигался впередъ, не останавливаясь въ темнотѣ—нащупывая дорогу. Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука тянется къ его горлу. Вадимъ огля-

«Передвижная Выставка».

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

нулся и увидѣлъ большую загорѣлую руку съ четырьмя пальцами.

— Османъ!—закричалъ онъ видѣ себя, узнавая турка, несмотря на то, что голова неизвѣстнаго была замотана башлыкомъ. Выпрямившись, онъ гибкимъ движеніемъ бросился на него.

Но тотъ, безшумно и осторожно выскользнувъ, поползъ по скалѣ.

Какъ дикая кошка, Вадимъ слѣдовалъ за нимъ, и въ тотъ моментъ, когда турокъ, укрѣпившись на ровной площадкѣ скалы, старался спрятать что-то въ карманъ,—Вадимъ, вынырнувъ изъ орѣшника, схватилъ его за плечи.

— Говори, что ты тутъ затѣваешь!

— Не нада, баринъ, не трогай,—злобно сказалъ Османъ.

— Не трогай? Нѣтъ, милый другъ, покаместъ ты мнѣ во всемъ не сознаешься—я тебя не отпущу.

Пауза.

— Скажешь?—спросилъ Вадимъ, стискивая зубы.

Турокъ поблѣднѣлъ и безпомощно оглянулся.

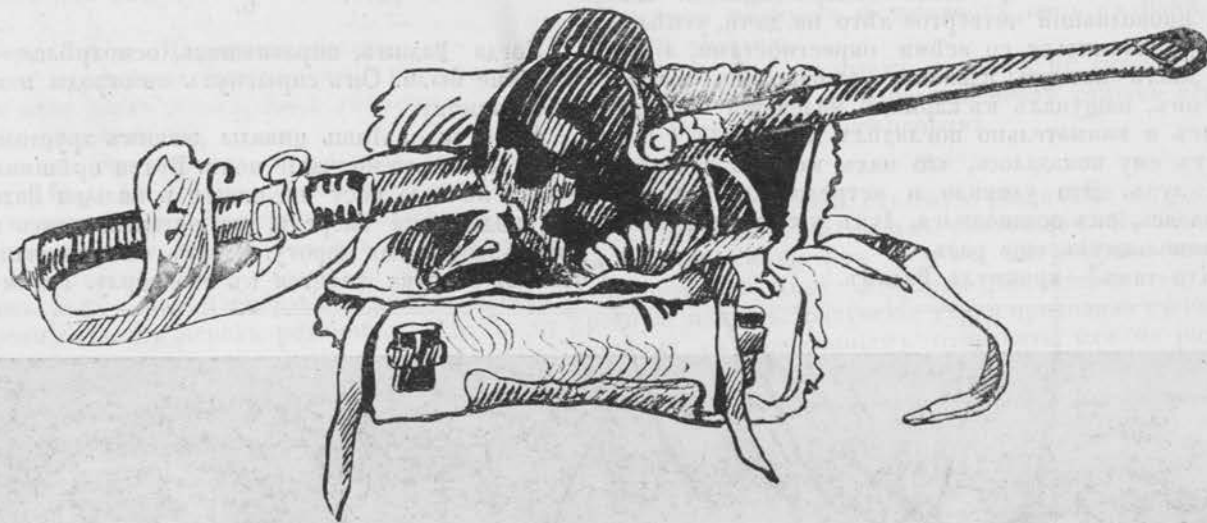
Передъ нимъ стоялъ Вадимъ съ поднятымъ браунингомъ. Сзади—высоко вздувались волны, перерѣзанныя столбомъ луннаго свѣта.

Османъ рѣшился. Крикнувъ что-то гортаннымъ рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на крикъ совы,—онъ, сильнымъ движеніемъ качнувшись назадъ,—упалъ въ бездну.

Когда Вадимъ подошелъ къ обрыву,—море плескалось тихо и таинственно.

Темные валы шумѣли, какъ прелюдія къ радостной пѣснѣ. Луна дробила лучи на черной массѣ стеклянной воды.

Татьяна Ефимова.

ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Подарокъ молодымъ нѣмецкимъ писателямъ.

Маленькій Карлуша сѣлъ на колѣни стараго Фрица и сказалъ:

— Дѣдушка, расскажи про войну!

Старый Фрицъ отправилъ въ носъ прямымъ сообщеніемъ понюшку табаку, поправилъ очки, потрогавъ ихъ одновременно большимъ и среднимъ пальцами, и спросилъ:

— А ты будешь хорошимъ мальчикомъ? Будешь и папу и маму и дѣдушку любить?

— Буду.

— Языка высовывать не будешь?

— Не буду, не буду-у!

— Въ табакерку гвоздиковъ не будешь класть?.. и толченогаго стекла не будешь?.. и песочку?..

— Нѣ-ѣтъ!

— И соли въ мою кружку пива сыпать не будешь?

— Нѣтъ, не буду; расскажи, миленькій, скорѣй!

Карлуша нетерпѣливо подпрыгивалъ на колѣняхъ дѣда. Старый Фрицъ взялъ въ руки голову внука, заглянулъ ему въ глаза и сказалъ:

— Смотри, не солги!

— Дѣ-ѣдушка!—жалобно простоналъ Карлуша.

Старый Фрицъ, не слыша, отправилъ новую понюшку поочередно въ обѣ ноздри и началъ:

— Страна наша была велика, много, много было земли, а на ней много, много народу. И жилъ народъ въ довольствѣ, и пиво лилось рѣкой. И прославлялъ народъ мудрость своего кайзера Вильгельма II. Но вотъ захотѣлось кайзеру стать Наполеономъ... Знаешь ты, клопъ, кто такой былъ Наполеонъ?..

— Знаю! Такой въ треуголкѣ, съ чубомъ на лбу, одна рука за бортомъ, другая за спиной... Этогъ?..

Старый Фрицъ ласково потрепалъ Карлушу по щекѣ и сказалъ.

— Этогъ самый!.. Тоже хотѣлъ завоевать весь міръ... да... такъ вотъ...

Дѣдушка задумался. Карлуша присмирѣлъ, глядѣлъ дѣдушкѣ въ лицо и думалъ:

— Какъ странно: когда дѣдушка открываетъ ротъ, и я вижу его зубы, которые онъ на ночь вынимаетъ изо рта и кладетъ въ баночку—я слышу про войну, а когда онъ закрываетъ—ничего не слышу... И зачѣмъ онъ на ночь вынимаетъ зубы?..

Карлуша морщитъ лобикъ и долго не можетъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Наконецъ, счастливая мысль приходитъ ему въ голову:

— Чтобы ночью не хотѣлось вѣсть.

Удовлетворенный найденнымъ отвѣтомъ Карлуша

вспоминает о войне и, теребя дѣда за бритый подбородокъ, настойчиво взываетъ:

— Дѣдушка, дѣдушка!..

Старый Фрицъ вздрагиваетъ, вздыхаетъ и спрашиваетъ:

— О чемъ это я?

— Да про войну же!

— Ахъ да!.. Такъ вотъ, и объявилъ кайзеръ войну и сталъ воевать со многими народами. И стало у насъ меньше земли и меньше народу...

— А какъ это, дѣдушка?... земля куда провалилась? въ море?..

Старый Фрицъ глубоко вздохнулъ:

— Эхъ, если-бъ въ море!.. Наши побѣдители забрали себѣ, русскіе, французы, англичане...

— Дѣдушка, и съ собой унесли?.. О-о, какіе они нехорошіе!..

— Нѣтъ, глупенькій, не унесли, а позавали своихъ солдатъ изъ нашей земли, заняли ее...

— Дѣдушка, дѣдушка, почему у насъ народу стало меньше?... Тоже они забрали?

— Которыхъ забрали — отдали... Убили они многихъ... Убили...

— И маленькихъ они убивали, дѣдушка?!

— Молчи, глупый мальчишка!

Карлуша опѣшилъ: онъ не понималъ — почему это дѣдушка, добрый, старенькій дѣдушка Фрицъ, разсердился.

— Это мы убивали маленькихъ дѣтей, а не они; это мы насиловали беззащитныхъ женщинъ, мы, а не они!..

— Дѣдушка, — робко окликнулъ Карлуша.

Но старый Фрицъ не слышалъ, онъ прикрылъ рукой глаза и тихо шепталъ:

— Мы, а не они!

Кровавые призраки проносились въ его памяти... Крошечныя, худенькія тѣльца извивались въ страданіяхъ и жалостливымъ молчаливымъ взоромъ молили о пощаду... Въ мозгу вдругъ рельефно вырисовывался кинжалъ, съ котораго капала алая кровь... Измученныя женскія лица съ мутнымъ, остановившимся взглядомъ появлялись въ быстро мелькавшей цѣпи его воспоминаній...

— Дѣдушка, дѣдушка-а! — дернулъ Карлуша за рукавъ дѣда, — какъ это насиловали?

Рис. П. Жилина.

— Молчи, поросенокъ, не съ тобой говорить! — оборвалъ Карлушу старый Фрицъ.

У Карлуши навернулись на глазах слезы. Старый Фриц смягчился и сказал:

— Ты еще маленький, ты еще многого не понимаешь, дай Бог, чтобы твое покаяние заслужило прощение, чтобы проклятие не тяготило надь вами, как оно тяготит нас... чтобы позорь Германии...

— Дѣдушка, ты мнѣ лучше про войну расскажи! — нетерпѣливо перебилъ Карлуша. Ему стало и скучно и даже страшно отъ непонятныхъ дѣдушкиныхъ словъ.

Старый Фрицъ погладилъ Карлушу по головкѣ и улыбнулся.

— Про войну?.. Воевали, милый...

— Про пушки, дѣдушка, расскажи!.. Пушка можетъ домъ ломать?

— Можетъ.

— И соборъ можетъ?

Старый Фрицъ вспыхнулъ, но сдержался: «не слышалъ ли онъ о Реймскомъ соборѣ».

Карлуша ничего не отвѣтилъ. Въ этомъ дѣлѣ для него не было никакого «если». Все было для него ясно и опредѣленно: будетъ очень больно и не очень стыдно. Единственно, что Карлуша могъ отвѣтить, было:

— Дѣдушка!

Тихій полу-стонъ, полу-жалоба, полу-укоръ, полу-мольба.

— Хорошій внучекъ не раздражаетъ дѣдушку глупыми вопросами!

— Дѣдушка, я больше не буду!

— Ну, хорошо, я тебя прощаю, ступай въ дѣтскую!

Карлуша поцѣловалъ дѣдушку. Тихо соскользнулъ съ его колѣнъ и направился въ дѣтскую, по пути рѣшая вопросъ:

— Разъ простилъ — почему же отправилъ въ дѣтскую?

— Дѣдушка, можетъ? — допытывался Карлуша.

Старый Фрицъ молчалъ.

Карлуша, не дождавшись отвѣта, высказалъ собственное мнѣние:

— Не можетъ! Боженка разгнѣвается и накажетъ.

— Уже наказалъ! — прошепталъ старый Фрицъ.

— Дѣдушка, а можетъ пушка ломать школьный домъ?

— Ужасный ребенокъ! — воскликнулъ старый Фрицъ.

Но ужасный ребенокъ не унимался.

— А если граната попадетъ въ музей?

— Этотъ ребенокъ меня убьетъ!.. — шепталъ старый Фрицъ.

— А если въ стацию?.. если въ картину?... а если...

— А если я сейчасъ возьму ремень и отдеру тебя? а?..

Въ дѣтской Карлуша забился въ уголокъ и сталъ думать:

— За что это дѣдушка меня бранилъ? Почему у него нельзя спросить про пушку?.. Почему онъ не отвѣчалъ мнѣ?..

Карлуша не могъ отвѣтить...

Когда-нибудь Карлуша узнаетъ, что дѣдушкѣ было стыдно и больно отвѣтить...

Исидоръ Гуревичъ.

* * *

Р. С. Карлуша узнаетъ, конечно, изъ книгъ: молодые нѣмецкіе писатели когда-нибудь используютъ благодарную тему, которой я чуть коснулся въ этомъ рассказѣ.

Имъ предстоитъ тяжелая и неблагодарная задача: оправдать своихъ современниковъ въ глазахъ будущихъ поколѣній...

П. Г.

КУСЬ-КУСЬ.

Было ясно для всѣхъ, что одно только чудо можетъ спасти бѣднаго вождя африканской конницы, раненаго при Мариѣ. Осколки снаряда разможили ему кость до самаго костнаго мозга. Его привезли въ Парижъ и помѣстили въ одномъ изъ лучшихъ госпиталей, гдѣ жизнь убывала внемъ съ каждымъ часомъ.

Въ ожиданіи этого страшнаго часа, который, увы, по мнѣнію врачей, былъ неотвратимъ,—всѣ наперерывъ старались осыпать лаской и вниманіемъ бѣднаго сына экзотической страны. Сына тропиковъ. Всѣ наперерывъ стремились въ горсточку оставшихся у него минутъ вложить, по мѣрѣ силъ, всѣ тончайшія наслажденія и всю сладость жизни. Но отъ всѣхъ лакомствъ, которыя не уставали ему предлагать пѣжныя и заботливыя руки сестеръ,—онъ меланхолически отворачивался. Столикъ у его постели былъ уста-

нушено въ ходъ: поваренныя книги, учебники географіи и мемуары знаменитыхъ путешественниковъ. Но нигдѣ не могли найти никакихъ указаній...

Главный хирургъ, большой любитель хорошо покушать, вспомнилъ, что 10 лѣтъ тому назадъ онъ читалъ гдѣ-то у Раблэ рецептъ «Кусь-Кусь», выписанный однимъ пиратомъ-варваромъ для рыцаря-крестоносца. Бросились въ кухню съ Раблэ въ рукахъ. Но, увы, это литературное «кусь-кусь» походило на настоящее, какъ алоэ изъ жести, что украшаетъ наши балюстрады, походятъ на гигантскія столѣтнія алоэ пустынь. Ни одинъ поваръ изъ лучшихъ парижскихъ ресторановъ не умѣлъ приготовить это необыкновенное блюдо.

Казалось, что всѣ усилія тщетны. Сестры были въ отчаяніи. Но развѣ есть что-нибудь невозможное

вленъ дорогими фруктами и марципаномъ. У его изголовья поставили прекрасную живую пальму, но онъ, казалось, не замѣчалъ ея раскинувшихся надъ нимъ вѣтвей... И равнодушно глядѣлъ онъ своими глубоко-впавшими глазами на яитарные ломтики ананаса и на густое молоко кокосоваго орѣха.

— Скажи намъ, милый, чего бы ты хотѣлъ? Мы съ радостью исполнимъ всѣ твои желанія,—молили сестры.

И вотъ, послѣ долгихъ просьбъ, голосомъ страннымъ и далекимъ, какой бываетъ лишь у умирающихъ, голосомъ, который заключаетъ въ себѣ всю недостижимость мечты и всю несбыточность молитвы—онъ едва слышно прошепталъ: «Кусь-Кусь»... Это слово вызвало среди сестеръ глубокое замѣшательство. Всѣ онѣ, конечно, слышали объ этомъ африканскомъ блюдѣ, но кто сумѣетъ его приготовить? Все было

для женщинъ, которыя хотятъ вызвать улыбку радости на лицѣ умирающаго? И, дѣйствительно, послѣ долгихъ поисковъ, одна изъ сестеръ наткнулась въ окрестностяхъ Парижа, въ глубинѣ предмѣстья Вожираръ, на маленькій восточный ресторанчикъ, гдѣ можно было найти блюда всѣхъ пяти частей свѣта и въ томъ числѣ—столь желанное «Кусь-Кусь». Велико было ликованіе всего госпиталя...

Когда африканецъ вдохнулъ вкусный дымъ своего любимаго блюда,—блѣдный шафранъ его щекъ покрылся легкимъ румянцемъ, и глаза его заблестѣли отъ удовольствія. Съ большой жадностью уничтожилъ онъ всю порцію. И потомъ долго еще повторялъ въ глубокомъ экстазѣ: «Млэтъ», что означало: «Это восхитительно».

И, проглотивъ послѣднюю манную крупицу, съ широко-раскрытыми отъ счастья глазами и лицомъ, сія-

юшимъ улыбкой удовлетворенности и благодарности, онъ тихонько опустил на руки поддерживавшей его сестры. Можно было подумать, что душа его ждала только этой высшей радости, чтобы улетѣть... Его послѣднимъ словомъ было—«Мать», которое онъ произнесъ съ восхищеніемъ,

И походилъ онъ на тѣхъ малютокъ, которыя въ вечеръ Рождественскихъ праздниковъ, съ душой, переполненной восторга,—засыпаютъ на рукахъ ангеловъ...

МИНИАТЮРА.

1.

Прошло пятьдесятъ дней, какъ Джимъ съ полкомъ своимъ покинулъ Лондонъ, и вотъ уже сорокъ дней, какъ онъ сражается. Это—порядочный срокъ, и не грѣшно было бы перевести духъ. Счастье улыбнулось ему. Арестовали неустрашимого прусскаго офицера, носившаго въ боковомъ карманѣ цѣлый арсеналъ щетокъ самыхъ разнообразныхъ фасоновъ (похвальная предосторожность!). Джимъ принималъ большое участіе къ этомъ арестѣ и въ награду получилъ двадцатичетырехчасовой отпускъ, чтобы осмотрѣть Парижъ.

Всю дорогу онъ обстоятельно размышлялъ: куда направиться прежде всего. Въ Люксембургскій садъ или въ веселые кабачки Монмартра? Къ собору Парижской Богоматери или къ Эйфелевой башнѣ? Онъ по-

старается заглянуть также въ Лувръ, чтобы взглянуть на Джоконду и засвидѣтельствовать почтеніе воина Венерѣ Милосской... Но начать надо съ большихъ бульваровъ, конечно. Потомъ, съ Бедкеромъ въ рукахъ, составить планъ дѣйствія.

Простуженное ноябрьское солнце закуталось въ сѣрое каше тумана. Настоящая лондонская погода. Какое вниманіе къ Джиму со стороны природы! Какая чисто-французская предупредительность! Въ Лондонѣ небо не измѣнило бы своей мрачной физиономіи даже для союзника. Джимъ весьма польщенъ погодой, которую французы называютъ «Un chemin de temps» и счастливъ вдвойнѣ.

Герой нашъ устраивается на уютной терассѣ

Рис. А. Петрова.

Прежние Амадьенъ и Фрицхенъ. (Каково добродушие?).

изящнаго кафэ за излюбленнымъ чаемъ, чернымъ и крѣпкимъ, какъ пиво. Какое блаженство вытянуться во весь ростъ на удобномъ сидѣньи и, съ трубкой въ зубахъ, обозрѣвать публику... Что можетъ быть интереснѣе Парижскихъ бульваровъ въ четыре часа дня? Двѣ красотки дарятъ Джима ивѣжной улыбкой. Одна изъ нихъ, конечно, наиболѣе красивая, прибавляетъ къ улыбкѣ воздушный поцѣлуй, который она съ невыразимой граціей посылаетъ ему однимъ кончикомъ своихъ блестяще-отпалированныхъ ногтей. Въ этомъ—особый шикъ. Женщина въ траурѣ окутываетъ Джима взглядомъ, горячимъ, какъ ласка. У женщинъ въ траурѣ глаза всегда очень выразительны, особенно, если онѣ—парижанки...

Мужчины смотрятъ на Джима ласково, какъ на богатаго кузена. Но трогательнѣе всѣхъ,—уличные ребятишки, которые не спускаютъ съ Джима восторженныхъ глазъ...

Джимъ очень уважаетъ Байрона, но все-таки жизнь прекрасна, чортъ возьми! и, если бы самого мистера Чайльдъ-Гарольда посадить на педѣлю въ окопы, а потомъ отпустить въ кафэ на Парижскій бульваръ,—онъ несомнѣнно сдѣлался бы крайнимъ оптимистомъ... Джимъ счастливъ, Джимъ грезитъ... онъ грезитъ о своемъ незабвенномъ озерѣ въ Экоссѣ и о глазахъ своей возлюбленной... Ахъ, эти сѣро-го-

лубые, милые глаза и эти свѣтлые, какъ ленъ, волосы!.. Теперь они скрыты бѣленькой косынкой, завязанной узломъ на передникѣ съ краснымъ крестомъ. Но, когда Джимъ вернется, онъ самъ слететь вѣнокъ изъ васильковъ и незабудокъ и увѣчаетъ имъ прелестную головку «сестры». Онъ явится къ ней, какъ побѣдитель, украшенный орденами... И—несомнѣнно, будетъ двойнымъ побѣдителемъ... Джимъ счастливъ... Джимъ грезитъ... А сонъ въ это время крадучись подбирается къ нему.

Сорокъ дней ходьбы, бодрствованіе круглые сутки; сырые холодные окопы, часто наполненные водой,—все это болше чѣмъ достаточно, чтобы извинить невинный коротенькій сонъ, продолжающійся добрыхъ четыре часа.

Что снилось ему—неизвѣстно, но онъ улыбался во снѣ... Можетъ быть, онъ во снѣ поднимался на Эйфелеву башню, чтобы на самой ея вершинѣ укрѣпить знамя побѣды и мира...

Можетъ быть, прекрасная Венера Милосская вдругъ заговорила съ нимъ голосомъ его возлюбленной.

Можетъ быть, онъ увидѣлъ себя снова на берегу родного озера въ Экоссѣ.

Когда онъ проснулся,—наступила уже ночь и съ нею часъ отъѣзда, увы... це въ Экоссѣ, а въ окопы...

Но-что это? На мраморномъ столѣ передъ нимъ навалена цѣлая груда прекрасныхъ вещей: папиросы, сигары, шоколадъ и, главное, огромный букетъ благоухающихъ фіалокъ... Среди холоднаго тумана,— маленькій кусочекъ весны... Неужели въ Парижѣ еще водятся феи?.. Джимъ освѣдомляется: для него-ли все это. Ну, конечно, для него.

Пока онъ спалъ,— незнакомыя, но дружескія руки приготовили ему этотъ сюрпризъ...

* * *

Джимъ не видѣлъ Парижа, но Парижъ видѣлъ Джима. И оба они, познакомившись лишь во снѣ, сохраняютъ другъ о другѣ прекрасное воспоминаніе...

Переводъ съ франц. М. Либерсонъ.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

ВЕРШОЖЕ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по вторникамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, Сергѣй Ауслендеръ, Анна Ахматова, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, В. Воиновъ, З. Н. Гипсіусъ, Владимиръ Гординъ, Н. Гумилевъ, И. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Д'оръ, Т. Ефимова, Вячеславъ Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Исаевъ, М. Кузьминъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, О. Миртова, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Ремизовъ, Ю. Слезкинъ, П. С. Соловьева (Аллегро), Ѳедоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Чеботаревская, К. И. Чуковскій, Ф. Щеголдинъ, Іер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Е. Архиповъ, А. Ѳ. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстрининъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, С. Ю. Жуковскій, К. В. Дыдышко, Е. А. Киселева, К. А. Коровинъ, М. И. Курилко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, А. М. Любимовъ, А. Ѳ. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясоѣдовъ, И. П. Пахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалилѣевъ, Н. И. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Ѳ. И. Шаляпинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсснеръ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ перес. за годъ—6 р.; за 1/2 г.—3 р.; за 3 м.—1 р. 75 к. и за 1 м.—75 к.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ 15 коп.

Редакція—Петроградъ, Воскресенская наб., 26. Телефонъ № 410-98. Приемъ ежедневно отъ 3—5 ч. Контора—Шпалерная, 26, телеф. 18-68 открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. вечера.

Рукописи, присланныя безъ указанія условій, оцѣниваются по усмотрѣнію редакціи.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутцаць.

Завѣдующій худож. отдѣломъ И. И. Бродскій.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

